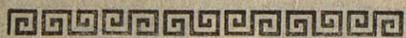

Театральное
общество «Неделя»

Неделя, 1985, март, № 13

27 марта — Международный День театра. Сценическое искусство — одно из самых древних на земле. И самых любимых. Театру в наш век кино и телевидения прочили гибель — но он, вопреки прогнозам, живет и процветает. И полны залы, и толпы жаждущих лишнего билетика осаждают подъезды, когда идут лучшие спектакли — драматические, оперные, балетные, кукольные, пантомимические... Потому что никакая техника не заменит нам чудо живого общения с мастером, как не передаст она динамизму того постоянного, неутомимого поиска, в котором только и может существовать истинный Театр. Сегодня — рассказ о двух новых ролях двух прекрасных мастеров сцены — Татьяны Пельтцер и Евгения Лебедева...

тем самым поставил рядом с собой, и так обменивался с ним репликами. Когда же Глумов откланялся, Крутицкий не раз и не два махнул рукой, но не ему махнул, а в пространство, и вдруг обнаружил себя на полу. Для себя вдруг, потому что приспособился стоять на коленях и чувствовал себя вполне хорошо. А когда понадобился ему слуга, кресло не то подать, не то принять, и Крутицкий вызвал его колокольчиком и звоном колокольчика так заслушался, что долго не хотел его прерывать, то и тут нельзя было удержаться от смеха. И от восхищения, вида, как бытовая подробность превращается в подробность психологическую. В подробность, обнаруживающую характер. На этих превращениях роль и строится, и можно только диву даваться, с какой точностью Лебедев возможность такого рода перемены находит. И как они всегда неожиданны и от этого зрителю особенно интересны и вытны. Увлекательны. Отчего, например, появились непритор-

же широкое истолкование. Тут не увлечение изящной словесностью, не причуда, неожиданная в столь косном характере, но убежище от перемен, которые несет в себе «известная катастрофа», как аттестует реформу 1861 года одна из героинь Салтыкова-Щедрина. Стихи оттуда, из тех милых сердцу дореформенных времен, и Лебедев декла-

вающую, что-то и вовсе уводящую из поля зрения. И как раз личное становится в образе определяющим. Борьбы с текстом мы под этим вовсе не подразумеваем: подразумеваем тон, который, как известно, делает музыку. Тон зал и слышит прежде всего, и готов плениться, подчиниться, улыбнуться ему еще до того, как увидит актрису

Татьяна Пельтцер в спектакле Московского театра имени Ленинского комсомола «Три девушки в голубом».

ДУША ЖИВАЯ

И МЕРТВАЯ

Натэла ЛОРДКИПАНИДЗЕ

На сцене двое. Один у книжных полок, на стремянке, на самом ее вершине — он сидит молча и что-то листает. Другой внизу и почтительно, но настойчиво, чтобы обратить на себя внимание, покашливает. Внизу Глумов Егор Дмитриевич, главное действующее лицо пьесы «На всякого мудреца довольно простоты», у полка Крутицкий: «старик, очень важный господин» — так аттестует его Островский.

Позвольте, слышим вопрос, как это так, Крутицкий и книги? Он же ретроград, лицо отрицательное, по чину ли ему печатное слово — знак просвещенности? И по чину ли стоять ему потом на коленях рядом с Глумовым, а до этого чуть ли не обниматься с ним и лить умиленные слезы? По чину ли генералу все это — разве что Евгений Лебедев, играющий Крутицкого в премьер Ленинградского Большого драматического театра, увидел его как-то по-новому? Увидел, не будем отрицать. Но не в том смысле непривычно увидел, что переиначил, что нам теперь непонятно, как мог этот человек лезть в душу проект о реформе вообще и с упоением декламировать строки из трагедий павловских времен. И эту: «О матерь, слезный ток, коль можно, осуши! И ты, сестра, умерь уныние души», и другие, из того же Озерова.

Лебедев играет Крутицкого, ни на йоту не отступая от автора. В его герое тот же ум шестилетнего ребенка, та же старческая ирриговость, то же неотступное желание вернуть все на круги своя. Лебедев играет Крутицкого, не позволяя себе ни в малой мере пренебречь общим смыслом или нарушить художественный строй спектакля, поставленного Г. А. Товстоноговым, где так умно и вольно сосуществуют прекрасные партнеры артиста: В. Ивченко, О. Волкова, Л. Макарова, С. Кричкова, В. Козель, Э. Попова, В. Стрельчик, О. Басилашвили — словом, все, к кому ни обратиться. И в то же время Лебедев играет Крутицкого по собственному закону. Играет играя, и дерзкое, откровенное, блистательное, на все глаза выставленное Актерство — то первое и главное, что заставляет с особым нетерпением ждать появления именно этого персонажа.

Почему, спросим себя, он в сцене с Глумовым оказался на коленях? Потому, что споткнулся, — и все объяснение, и вся недолга? Да, споткнулся, с кем не бывает, но ведь не поспешил встать, не переменял позы, и Егора Дмитриевича

ные слезы, которые он проливал с Глумовым, прижавшимся не столько к его груди, сколько к животу, — Крутицкий все еще стоял на лесенке? Глаза его увлажнились от умиления, но растрогался он не от возвышенного, не от грустного. Не тут-то было! Расчувствовался он от себя самого, от пошлости своих умозаключений, вроде тех, что: «Подчиненный... сытый и довольный получает несвойственное его положение осанность и самоуважение, тогда как для успешного и стройного течения дел подчиненный должен быть робок и постоянно трепетен».

Вот тут-то он и зарыдал, а зал засмеялся и захолопал. И каждая такая умная неожиданность встречалась подобным образом. Насмешливое веселье публики разоблачало притязания героя, и актер стремился к тому, чтобы разоблачало, но и к тому, чтобы случалось это как-то само собой.

Помните его разговор с Глумовым относительно трактата и проекта? Разговор с оттенком филологии, уточняющий различие между словами. «Проект... когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается, и совершенно справедливо» — следовательно, — трактат. Направление беседы скорее противное, нежели смешное, но, выразил актер свое отношение впрямую, было бы хоть и верно, а все-таки не то. Не театр, не сцена и не жизнь в то же время, не правда ли?

Что же делает Лебедев? Лебедев цепляется за словечко «трактат» как за таковое. Каждый раз, как встречается ему это слово, он произносит его по слогам и смакуя. Так, словно пробует на вкус, и чем дольше пробует, тем больше во вкус входит, звучанием, а не смыслом завораживается. И так слово ему нравится, что потом уже не по делу, а просто так, для души, он тихонечко произносит: «Трактат! Трактат!» Как прекрасно! Как чудесно!

Смысл диалога сохраняется и становится острее, злее, шире.

И любовь к трагедиям получает столь

мирует их не просто воодушевленно, но как заклинание, с чувством необыкновенной их важности. Декламирует себе, забыв о Мамаевой, хотя она его гостя, и, декламируя, черпает в них силу. Как черпает ее и в странноватых своих прожектах, которым умища Глумов дал такое прелестное название: «трактат».

Критикам Лебедев великодушно открывает все карты. Им не надо гадать, почему столь важна ему пафоса и почему правдоподобие не приравняет он искусству. «Заметьте, — говорит он, — когда в фильме появляются документальные кадры, они всегда сильнее жалкой типажности. Документальность можно «перешибить», только подчиняясь законам искусства. Чем дальше от натуральности, тем ближе к душе вещи, к натуре, а тем самым к обобщению».

Когда видишь, как он играет, кажется, что он из тех счастливых, которые постигают глубину роли по интуиции. «Бытует представление, — опровергает он, — что стремление к отвлеченным рассуждениям чуть ли не противопоказано актерской профессии, что оно убивает непосредственность. Но я все же скажу — не надо бояться. Там, где подведет разум, разберется сердце».

Так он считает и добавляет, чтобы совсем уж было ясно: «До того, как встретиться с Бессеменовым, я не знал, кому отдать те думы, те наблюдения, которые меня волновали. Слова Горького подсказали — кому».

Наивно полагать, что Товстоногов или любой другой хороший режиссер обрадуется самостоятельности исполнителя, если она противоречит общим намерениям. Но трудно представить, чтобы тот же режиссер не оценил, не поддержал и не ввел в спектакль то, что ему явно на пользу. Не говорим уже, что сама возможность новизны и смелости актерских решений в общем художественном замысле изначально заложена. Не будь этого, они вступили бы друг с другом в бесплодный, изматывающий конфликт.

В настойчивости, с которой М. Захаров ладил жизнь пьесе Л. Петрушевской «Три девушки в голубом», было, наверное, ощущение собственной и, добавим, бесспорной удачи, и столь же понятное желание представить это удавшееся на глаза и суд зрителей. Но не обошлось, уверены, и без другого. Без обаяющего понимания радостной пользы, которую актеры Е. Фадеева, И. Чурикова, Л. Поргина, С. Савелова — несли в спектакль; именно радость и энергия актерской работы в этом трудно рождавшемся спектакле подвигала режиссера на долгое завершение постановки. Скажем больше — без Татьяны Ивановны Пельтцер эта постановка была бы в чем-то важным иной.

Что же сразу — и чем дальше, тем сильнее — привлекает в ее актерском создании? Если коротко — легкость и мудрость. Перед нами тот редкий случай, когда актер знает про своего героя все, что положено знать, читая и изучая пьесу, и естественно преломляет эти знания через сильнейшую призму собственного опыта. Что-то смягчающую, что-то подчерки-

Мы не оговорились — Захаров строит спектакль так, что вначале мы актрису слышим. За стеной летнего дома слышишь ворчащий женский голос, то окликающий пропавшего котенка, то спрашивающий о нем, а то ведущий беседу с самим собой. И об этом котенке, и о собаке, которую сгубил пьяница-сосед, и еще о чем-то другом. Это другое не очень разборчиво.

Голос ворчит, и довольно долго ворчит — хозяйка его перед нами уже появилась, но не злится и на крик не срывается. Говорит о том, что очень не по душе, но что уже свершилось и с этим ничего не поделаешь. Скажем сразу, что к финалу пропаша находится, и это не бог весть какое событие в контексте всего происходящего воспримается с облегчением. И само по себе, и, конечно же, из-за Федоровны, героини Пельтцер. Она обрадуется, а это нам небезразлично.

Смысл и пружина сюжета — в событиях, которые вовне себя почти не выражают. Три молодые женщины связаны друг с другом кровно, но при этом одна другой не близки, хотя каждой не хватает именно близости, человеческого участия. Мучительно, срываясь, не доверяя окружающим и себе, казня себя за это недоверие, они в конце концов пытаются найти друг в друге опору.

В череду легко вскипающих ссор и слез героиня Пельтцер вносит умиротворяющую ноту.

Как бы это сказать, чтобы вышло не высокопарно? Потому что высокопарность складу этой женщины противопоказана, а в то же время она дает нам наглядный урок. Наверное, можно сказать так: дает урок самим фактом своего существования. Своим приятием жизни. Не обязательно легкой, или богатой, или обремененной трудностями и невзгодами. Нет, просто жизни, в которой была мать — любовь к ней и память о ней жива и священна, были и есть люди вокруг, есть свет, воздух, солнце, зима и лето. Есть счастье все это ощущать и чувствовать себя частичкой земного.

Ближе к концу спектакля у актрисы большой монолог. Обращаясь к публике, чуть сбивчиво, подыскивая слова, она рассказывает о том, как когда-то тонула: провалилась вместе с лошастью в поляну. «Я молодая тогда была, у меня еще все впереди было, у меня и сейчас, — говорит она вдруг, — еще многое ожидается...»

И вот стоит этому «многое ожидается» с вызовом прозвучать, как зал раздражается аплодисментами. Какими-то особыми аплодисментами, потому что люди не только хлопают, но обмениваются взглядами, улыбками, ведут себя так, словно все они друг с другом знакомы. Рискнем сказать: на минуту, на минуты разноликий зал становится единым существом, и за это единение он актрисе бесконечно благодарен.

И за то, что укрепляет она самые тайные его помыслы и надежды. Кто из нас говорит о них открыто? Никто, стесняемся, а она говорит, всем существом, нелегкой жизнью героини утверждает, что каждый чего-нибудь да стоит и достоин, коль скоро душа его жива. И для того, чтобы верить нас в этом, ей не понадобилось закрывать глаза на людские огорчения, она смотрит храбро и прямо, и оттого выигрывает там, где можно было и проиграть.

Вот, собственно, и все, что сразу захотелось сказать о новых работах Татьяны Пельтцер и Евгения Лебедева.

Олег Басилашвили и Евгений Лебедев в спектакле АБДТ «На всякого мудреца довольно простоты».

